

И.Е. Барыкина — ученица ярчайших представителей ленинградской исторической школы В.Г. Чернухи и Р.Ш. Ганелина¹³ — подготовила основательную биографию гр. Д.А. Толстого. В основе её книги — обширный круг источников, извлечённых из фондов российских архивов и библиотек, и многолетний добросовестный труд. В результате получился любопытный портрет чиновника и учёного, в котором «отчётливо прослеживаются две сюжетные линии: бурные коллизии чиновничьей жизни и кабинетное затишье научных штудий». Причём «они пересекаются, переплетаются и дополняют друг друга» (с. 8). Возглавляя духовное и учебное ведомства, а затем Императорскую Академию наук и МВД, граф, по словам Барыкиной, «пытался найти рецепты сохранения традиционных государственных устоев и ценностей, однако попытки имели лишь кратковременный эффект». Тем не менее «биография этого крупного государственного деятеля проясняет картину политическую и идеологическую правительственных верхов второй половины XIX в.» (с. 7).

В юности гр. Толстой проявил выдающиеся способности к учёбе и стал лучшим учеником своего лицейского выпуска. В те годы он «не связывал свои мечты с бюрократической службой», но «надеялся войти в учёное сословие и посвятить себя научным занятиям» (с. 59–60). Его выпускное сочинение, посвящённое изучению винной реглации в допетровской России, даже вышло на страницах «Отечественных записок». Однако нужда не позволила сосредоточиться на исследовательской работе и заставила с 1 февраля 1843 г. занять место чиновника. Впрочем, начальство явно учитывало склонности молодого человека. В МВД, куда он перевёлся в 1847 г., на него возложили описание истории католицизма в России, «покушений римского двора» на её свращение и «проявлений прозелитизма католического духовенства» (с. 181). Объехав Западные губернии за два года, «Толстой блестяще справился с поручением — написанный им очерк убедительно доказывал, что российские власти были вынуждены идти на суровые меры по отношению к католикам (закрытие монастырей, ограничение сношений католических священников с Ватиканом) только в ответ на притязания папского престола, стремившегося любыми путями к распространению своего влияния и тем самым посягавшего на суверенитет России» (с. 93). При этом он собирал не только архивный материал, но и сведения о настроениях священников, монахов и семинаристов. Судя по его докладам, местное католическое духовенство по большей части оставалось лояльным к российским властям, следовало инструкции 1842 г. и аккуратно вело делопроизводство. В Виленской губ. чиновника радушно приняли пре-

¹² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹³ О традициях ленинградской исторической школы и творческих судьбах В.Г. Чернухи и Р.Ш. Ганелина см.: Барыкина И.Е., Гусман Л.Ю. История как жизнь (Памяти В.Г. Чернухи) // Российская история. 2014. № 4. С. 173–184; Пученков А.С. Рафаил Шоломович Ганелин // Российская история. 2015. № 1. С. 147–189.

подаватели семинарии, выпущенные из Петербургской римско-католической духовной академии, и он решил, что «католические священники, получившие образование в столице Российской империи, более терпимы к “русскому направлению”». Как полагает Барыкина, «это наблюдение было важно для упрочения идеи русификации населения Западных губерний и воспитания нового поколения католического духовенства в духе сочувствия проводившимся в интересах центральных российских властей реформам» (с. 94).

В конце 1853 г., женившись на дочери министра внутренних дел, Дмитрий Андреевич перешёл в Морское ведомство, которое «с 1855 г. постепенно становится эпицентром реформаторского процесса, в середине XIX в. охватившего практически все сферы управления российского государства» (с. 95). Управлявший им вел. кн. Константин Николаевич собрал вокруг себя немало ярких представителей либеральной бюрократии того времени. Гр. Толстой, умевший составлять «грамотные исторические обзоры, логичные и понятные даже тому, кто не обладал специальными знаниями по данной проблеме» (с. 98), возглавил канцелярию министерства. Великий князь высоко ценил своего подчинённого, однако тот не хотел оставаться в тени моряков и предпочёл перебраться в учебное ведомство, откуда его вскоре отправили в Сенат. Тогда, вернувшись к учёным занятиям, граф в 1864 г. опубликовал в Париже на французском языке двухтомный труд «Римский католицизм в России», который, по словам Барыкиной, до сих пор сохраняет своё значение «в качестве справочного издания и... собрания источников» (с. 182). Современники утверждали, что именно появление «этого злободневного в момент напряжённых отношений российского правительства с Ватиканом произведения» привело к назначению его автора 3 июня 1865 г. обер-прокурором Святейшего Синода (с. 101).

Церковь гр. Толстой воспринимал исключительно как один из государственных институтов. По его мнению, она «должна была отстаивать государственный суверенитет в области духовной, а правительство — в политической сфере». Между тем ему казалось, «что православное духовенство не понимало своей задачи и не справлялось с ней, перекладывая защиту религиозных интересов русского народа на плечи светской власти, в то время как католический мир был един в стремлении расширить своё идеологическое влияние». Зато каждый «монастырский архиерей в душе лелеял мысль приобрести неограниченное влияние на светскую власть, подобно папе римскому». Неудивительно, что подобной «позицией “государственника”» были недовольны и церковные иерархи, и общественное мнение. Со своей стороны, руководя духовным ведомством, гр. Толстой добивался «улучшения благосостояния и повышения уровня не только богословского, но и светского образования приходских священников с целью усиления их влияния на мирскую аудиторию» (с. 102–103).

При этом религиозностью граф не отличался и храмы посещал редко. Более того, «обер-прокурор полагал, что для управления церковными делами обязательно присутствовать в здании Синода на Сенатской площади, о его надзоре за этим учреждением больше напоминал мундир, висевший в его кабинете». Многочисленные «политические противники уличали главу Синода даже в незнании богословских текстов» (с. 104). Действительно, «ближе ему были французские идиомы, а не текст Евангелия» (с. 105).

Задуманное гр. Толстым преобразование церковного суда на принципах Судебных уставов 1864 г., предусматривавших гласность, состязательность

и открытость процесса, не осуществилось. Инициированная им реформа духовно-учебных заведений, направленная на поощрение в них научной деятельности, нашла сочувствие далеко не у всех архиереев. «Таким образом, в Синоде Толстому пришлось столкнуться с сопротивлением ещё больших консерваторов, чем он сам», — констатирует Барыкина. Во всяком случае, «надежды на предоставление православной церкви большей самостоятельности, которые духовенство связывало с назначением Толстого, так как видело в нём человека, не чуждого проблем церковной жизни, спустя 15 лет не оправдались» (с. 114).

Однако «энергия, с которой Д.А. Толстой взялся за проведение преобразований в духовном ведомстве, способствовала тому, что в правительстве возникла мысльверить его руководству ещё одно ведомство, где надлежало навести порядок — Министерство народного просвещения» (с. 114–115). Новую должность граф получил спустя несколько дней после покушения Д.В. Каракозова на Александра II, сохранив при этом и обер-прокурорский пост, что свидетельствовало об усилении влияния консерваторов (с. 116).

Не имея поначалу определённой программы действий, гр. Толстой исходил из того, что «классическое» образование более соответствует потребностям дворянства, «являвшегося опорой самодержавного государства, а техническая специализация как нельзя лучше подойдёт для детей разночинцев, купцов и мещан» (с. 122). Решительно проведённая им гимназическая реформа, по сути, имела не только педагогический, но и политический аспект. Как и любое по-настоящему масштабное начинание, со своими достоинствами и недостатками, она «получила неоднозначную оценку». Безусловно, «широта образования, дававшегося в классической гимназии, признавалась современниками. Из “толстовских” гимназий вышли поэты Серебряного века, обращавшиеся в своём творчестве к мотивам античной классики. В то же время, признавая право классических гимназий на существование, нужно отметить, что разумной идее вредило её неразумное воплощение». Кроме того, как справедливо отметила Барыкина, «реформе вредило то, что её цель была не образовательная, а политическая» (с. 125). Будучи весьма «энергическим министром», граф постоянно путешествовал по России, разъясняя значение принятых им мер. Одновременно он сам приступил к изучению древнегреческого языка, знание которого требовалось теперь от гимназистов.

Тем не менее в обществе резко критиковали его политику за односторонность, полицейский характер и реакционность. Напротив, известие об отставке министра и обер-прокурора на Пасху было встречено в 1880 г. с безудержным ликованием. Императора в те дни называли «трижды освободителем»: крестьян — от крепостного права, болгар — от турецкого ига и России — от гр. Толстого. Сам же сановник позднее вспоминал про «тот год, когда мне сломали шею» (с. 129, 131–132).

Впрочем, через два года, уже при Александре III, граф вновь оказался востребован, став в апреле 1882 г. президентом Императорской Академии наук, а месяц спустя — главой МВД. В этой же роли он обеспечивал «успокоение» страны, защищал дворянские привилегии и настаивал на пересмотре Великих реформ 1860–1870-х гг. Подготовленная для него А.Д. Пазухиным программа предполагала сосредоточение в руках чиновников из дворян управления крестьянскими делами, ограничение роли местного самоуправления, усиление правительственного контроля над ним, расширение дворянского представи-

тельства в земстве, а также передачу дел по маловажным проступкам от «судебных установлений» в ведение органов, «находящихся в непосредственной связи с административной властью» (с. 134–135, 137). Первым шагом на этом пути, как известно, стало введение института земских начальников в 1889 г., затем последовало издание Положения о земских учреждениях 1890 г. и Городового положения 1892 г. Всего этого гр. Толстой не дождался, скончавшись 25 апреля 1889 г. Между тем, как указывает Барыкина, «успех мер, проведённых им на посту министра внутренних дел, оказался кратковременным. Карательная политика на время успокоила Россию, но не разрешила проблем, стоявших перед ней. Но сам министр не увидел крушения своей политики» (с. 138).

Подробно характеризуя научное наследие графа, исследовательница констатирует, что «в трудах Д.А. Толстого отразились его политические пристрастия и взгляды: он был государственным и приверженцем западничества. В исследуемых им вопросах он всегда был первым, все его сочинения имели, кроме теоретического, и практическое применение в качестве справочных материалов для соответствующих ведомств. Однако, будучи государственным человеком, он не был свободен в своих суждениях, вольно или невольно подчиняясь политическим тенденциям своего времени» (с. 194–195). Чувствуется в его произведениях и налёт некоторого дилетантизма, свойственного официальной историографии XIX в. Руководство Императорской Академией наук, по мнению Барыкиной, «как нельзя лучше демонстрирует взаимосвязь его служебной карьеры и учёных трудов» (с. 218). Ему удавалось «успешно сочетать умелый административный контроль и поощрение научных предприятий», уделяя особое внимание археологии, этнографии, историческим дисциплинам (с. 230).

Ум, воля, эрудиция и трудолюбие гр. Толстого столь же неоспоримы, как и его сложный характер, основными чертами которого являлись безмерное самолюбие, тщеславие, честолюбие, упорство, независимость, педантизм. Так или иначе, это был незаурядный человек с присущими его эпохе привычками и представлениями. «Его биография интересна тем, — заключает Барыкина, — что становление личности и формирование мировоззрения этого сановника пришлось на дореформенное время, а деятельность — уже на пореформенную эпоху, что, несомненно, наложило свой отпечаток и на проводимые им преобразования. “Великие реформы” провели резкую грань между первой и второй половинами XIX столетия. Д.А. Толстому по складу характера и по воспитанию ближе оказалась дореформенная эпоха... В вопросах внутренней политики Толстой был скорее не теоретиком, а практиком, деятельно принимавшимся за разрешение административных проблем, если способ их решения был для него ясен. Именно это его качество было востребовано властью в кризисных ситуациях... В своей политической деятельности Толстой исходил не столько из своих собственных желаний, сколько из представлений монарха, подчиняя свои действия задаче, поставленной перед ним самодержцем» (с. 270–271).

Многие годы гр. Толстой принадлежал к числу влиятельнейших людей империи. Однако на закате своих дней он не мог не осознавать, что Россия так и не оценила по достоинству его труды. И эта мысль, как и естественное чувство обиды, вероятно, отравляли последние минуты его жизни.